ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

© 1993 г., ЭО, № 6

А. М. Решетов

Н. А. НЕВСКИЙ КАК ЭТНОГРАФ

В 1992 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Николая Александровича Невского. Его жизнь оборвалась рано — он прожил немногим более 45 лет (18.II.1892 — 24.XI.1937), но успел создать работы, снискавшие ему известность в мировой науке как выдающемуся японоведу, китаеведу, тангутоведу, лингвисту, фольклористу, этнографу... Почетное место занимает Н. А. Невский и в истории отечественного востоковедения. Имя этого ученого и сегодня, по прошествии более полувека со дня его гибели, по-прежнему произносится с благоговением, а значение его работ только возрастает.

О разносторонних научных изысканиях Н. А. Невского написано немало [1]. Поэтому свою цель мы видим в том, чтобы охарактеризовать его вклад в этнографию.

Н. А. Невский поступил на Факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета в 1910 г. Преподавали там тогда такие выдающие ученые, как В. М. Алексеев, В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, А. И. Иванов, В. Л. Котвич, Л. В. Щерба и др. Принято считать, что решающая роль в становлении Н. А. Невского как ученого принадлежит В. М. Алексееву. Ни в коей мере не только не отрицая, но и не умаляя влияния ученого такого масштаба, как В. М. Алексеев, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что Невский учился на китайско-японском отделении. И если руководителем работы студента Невского по китаеведению действительно был В. М. Алексеев, то по японоведению — А. И. Иванов. Как показывают материалы личного дела студента Санкт-Петербургского университета Николая Невского, китайскому языку он обучался у А. И. Иванова, П. С. Попова, Цюань Шиэня и В. М. Алексеева, японскому — у А. И. Иванова и Ёсибути Куроно. При этом следует иметь в виду, то Н. А. Невский специализировался прежде всего как японист [2].

К сожалению, архив А. И. Иванова не сохранился: ученый был репрессирован в 1937 г. О роли А. И. Иванова в жизни и научной работе Н. А. Невского красноречиво свидетельствуют материалы, хранящиеся в архивах Петербургского университета и других учреждений. А из этих материалов следует, что при активном содействии А. И. Иванова Н. А. Невский после окончания университета был оставлен для работы на кафедре японской словесности [3], что по инициативе А. И. Иванова Н. А. Невский был послан на годичную (с марта 1915 г.) стажировку в Японию [4], что во многом благодаря стараниям А. И. Иванова срок стажировки был продлен сначала до января 1917 г., затем — до января 1918 г. [5], что, наконец, учителя и ученика связывали всегда очень теплые, доверительные отношения, отразившиеся, в частности, в их регулярной переписке.

Все это позволяет утверждать, что руководство занятиями Н. А. Невского, в том числе и во время стажировки его в Японии, осуществлял А. И. Иванов. Он же способствовал формированию у Н. А. Невского и у других своих учеников этнографических интересов.

В литературе хорошо показана и роль Л. Я. Штернберга в этнографическом образовании Н. А. Невского [6], но почему и как попал он в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого, где работал Л. Я. Штернберг? Ответить на этот вопрос несложно, если вспомнить, что А. И. Иванов, сам видный этнограф, автор

ряда работ по этнографии китайцев, собиратель китайских и японских этнографических коллекций, с 1908 г. возглавлял Отдел культурных стран Азии в МАЭ [7]. Как известно, в 1906 г. при музее образовался этнографический кружок преподавателей гимназий и школ для рабочих, которым руководил Л. Я. Штернберг [8]. Здесь можно было получить систематизированные знания по этнографии, и вполне естественно, что А. И. Иванов, которого Л. Я. Штернберг пригласил возглавить отдел, предпочтя его всем другим синологам, посоветовал Н. А. Невскому, как и другим своим студентам, посещать занятия кружка. С тех пор монография английского этнографа Дж. Дж. Фрэзера «Золотая ветвь», на которую часто ссылался Л. Я. Штернберг, стала настольной книгой Н. А. Невского. «Нас многому научил Лев Яковлевич»,— вспоминал позднее товарищ Невского Н. И. Конрад [9]. И всю дальнейшую жизнь Н. А. Невский поддерживал связь со своими «этнографическими» учителями — А. И. Ивановым и Л. Я. Штернбергом. Дабы закончить сюжет о роли А. И. Иванова в подготовке Н. А. Невского как ученого широкого профиля, приведем еще одно важное свидетельство. Летом 1925 г. Н. А. Невский приезжал в Пекин и многократно встречался со своим университетским наставником. А. И. Иванов щедро поделился с ним и знаниями, и материалами по тангутоведению [10]. Позднее Н. А. Невский писал: «Прошлым летом я посетил проф. А. И. Иванова, моего прежнего учителя в Петербургском университете, ныне драгомана советского посольства в Пекине. Наш разговор касался языка тангутов, которым я интересовался, и профессор показал мне несколько книг и документов, написанных на этом языке... . С разрешения проф. А. И. Иванова я скопировал эти тексты... Словарь, также данный мне *моим проф. А. И. Ивановым* (курсив мой.— *А. Р.*), был составлен в 1132 г....» [11]

На заключительном этапе жизни пути учителя и ученика вновь пересеклись. 25 июля 1937 г. А. И. Иванов был арестован органами НКВД в Москве по обвинению в шпионаже в пользу Японии. Ему также вменялось в вину, что он воспитывал своих студентов Н. А. Невского, Ореста В. Плетнера, Мартина Рамминга в японофильском духе. Хотя тогда Н. А. Невский был еще на свободе, но против него уже собирался материал на Лубянке. Потом ему и его жене Мантани Исо предъявят аналогичные обвинения... Н. А. Невский был арестован в Ленинграде 4 октября 1937 г., его жена — 8 октября. В Москве в этот день был расстрелян А. И. Иванов. Н. А. Невский и его жена были расстреляны 24 ноября 1937 г. [12]

I

Этнографический научно-исследовательский (а не только познавательный!) интерес проявился у Н. А. Невского очень рано. Уже в его отчете о занятиях в Японии в 1916 г. есть рассуждения об анимизме, пронизывающем всю японскую мифологию. «Отчасти соприкасающимся с анимизмом является *манизм, или культ предков*, развившийся некоторыми своими чертами в процветающий до сих пор культ героев. Из анимизма же вытекает и японское *шаманство*, на которое обращалось до сих пор весьма малое внимание, тогда как оно в древности, видимо, занимало одно из первых мест в верованиях народа» [13]. Для изучения народных верований Н. А. Невский выработал собственную программу, согласно которой упор первоначально должен быть сделан на живой фольклорный и этнографический материал. «Единственный путь для исследования первичных верований Японии,— писал он,— это прибегнуть к сравнительной этнографии и национальному фольклору, под которые подходят прежде всего ныне существующие сказания и предания разных провинций, народные обычаи, суеверия, гадания и чародейства, народные храмовые празднества и обряды, народные танцы, детские игры и проч.» [14]. Н. А. Невского интересовали самые различные вопросы японской этнографии, и он, естественно, стремился установить тесные научные контакты с японскими этнографами и фольклористами как для обсуждения вол-

новавших его проблем, так и для совместных полевых исследований. Известно, например, что в августе 1917 г. он вместе с Янагита Кунио и другими этнографами выезжал в префектуры Гумма, Иватэ и др. для изучения народной деревянной архитектуры и связанных с нею представлений и верований [15]. Каждая такая поездка существенно обогащала его знаниями реалий японского быта.

Очевидно, в те годы Н. А. Невского особенно интересовали проблемы верований, и этот интерес поддерживали все, кто с ним переписывался. В. М. Алексеев, в частности, выражая сожаление, что Н. А. Невский не избрал изучение Китая своей специальностью («Как жаль, что Вы не китаист и не можете воспользоваться трудами моей жизни»), тут же советовал ему: «Кстати, о свои работах спишитесь с Борисом Леонидовичем Богаевским, профессором Пермского университета, упомянув меня и прося выслать Вам его работы по земледельческой религии Афин и проч., библиографически, во всяком случае, великолепно оборудованные... Вы оба увлекаетесь одним и тем же, а это редко и приятно» [16]. О своих научных изысканиях сам Н. А. Невский писал в начале 1920 г. знатоку японской поэзии и этнографии Ямагути Моити: «Почти с самого своего приезда в Японию занимался и занимаюсь изучением японского фольклора и всевозможных обычаев (и суеверий), главным образом религиозных или связанных с историей семьи... Если собрали какие-нибудь данные относительно суеверий и обычаев, пожалуйста, поделитесь со мной, буду весьма и весьма обязан. Я лично сейчас собираю материалы по исследованию одного в высшей степени интересного бога — Осирасама, представляющего специфическую черту народных верований Северной Японии (префектур Мияги, Фукусима, Ямагата, Иватэ, Акита и Аомори). К июлю этого года собираюсь привести материалы в порядок и издать их на японском языке» [17]. Чтобы собрать больше локального этнографического материала о культе бога Осирасама, Н. А. Невский разослал множество писем знакомым и незнакомым лицам: «С целью изучения этнографии Японии я собираю материал относительно специфического божества Тохоку (северо-восток Японии.— *А. Р.*) — бога Осирасама. Прошу Вас помочь мне. В префектурах Иватэ и Аомори имеется божество, парное, мужчина и женщина, из двух веток тутового дерева с вырезанной головой. От головы, а иногда и сверху во множестве свисают цветные лоскутки. Называется божество Осирасама. У всех итако (шаманок. — *А. Р.*) — он есть. Есть и в старых крестьянских домах. В префектуре Ямагата это божество называется Окунаисама. В Ваших краях тоже есть это божество, называемое Окумэнайсама.

По возможности, если у Вас будет минутка, не могли бы Вы рассказать мне все, что знаете об этом» [18].

Н. А. Невский на основе собранного материала пытался сделать выводы о генезисе культа этого бога, его возможном тождестве с айнскими божествами, основательно обсуждал волновавшие его проблемы с японскими коллегами. Он знакомится почти со всеми, кто в какой-то мере занимался этнографией. Если учесть, что в те годы этнография в Японии еще переживала этап своего становления как наука, можно утверждать, что Н. А. Невский был активным участником этого процесса.

Ученый внимательно следил за новинками этнографической литературы, особенно журналами. Он перевел для себя доклад Янагита Кунио «Мысли по поводу синто», который тот прочитал в обществе «Тэйюринрикай». Особый интерес у него вызвала работа Кавамура Ёдзю «Исследование японского шаманства». Собранные сведения Н. А. Невский классифицировал, записывая их в разных тетрадях, имевших тематические названия: «Материалы для истории шаманства в Японии», «О религиозных обрядах и культовых игрушках» и т. д. Ученый не только конспектировал заинтересовавшие его работы, но и попутно записывал свои соображения, свое видение проблемы. Эти записи в дальнейшем он использовал при написании своих работ.

Внимание Н. А. Невского привлекли айны, изучение которых тогда только начиналось. «Айны — в туземном произношении айну, т. е. „человек“»,—

Н. А. Невский (слева) и Н. И. Конрад с Тэммин Такахаси, преподавателем китайского языка. 1917 г.

записывает он. Особое внимание ученый уделял сбору фольклорного материала, совершенно справедливо рассматривая его как энциклопедию айнской жизни. «Айны чтят свою старину и своих предков не меньше, чем японцы, и за отсутствием письменности любят в зимние вечера, когда нет полевых и рыболовных работ, проводить время у очага в беседах и воспоминаниях о былом, рассказывать молодежи сказки, сообщать предания о происхождении того или иного обычая и петь сказания про богов или героев. Увлекшись рассказом, и рассказчик, и слушатели забывают время; часто такая беседа длится всю ночь напролет, пока наступающее утро не склонит головы утомившегося сказителя и его слушателей.

Эти беседы у очага играют для подрастающего поколения роль школы, где оно черпает основные знания, необходимые для полноправного члена коллектива» [19]. Каждый, кто знаком с книгой Н. А. Невского «Айнский фольклор», знает, какой огромный этнографический материал заключен в ней. В современном айноведении эта книга занимает и, можно смело утверждать, будет занимать почетное место, к ней неизменно будут обращаться как к первоисточнику непреходящей ценности.

Невский прекрасно знал японскую этнографию, причем, что очень важно, не только из книг. Он не просто изучал жизнь японцев, он сам жил этой жизнью. Чтобы действительно понять японское традиционное искусство, он брал уроки у музыкантов, художников, артистов. Освоить специфику японского быта ему помогала Мантани Исо, его будущая жена, с которой он сотрудничал с 1922 г. В 1929 г. их брак был официально зарегистрирован. Н. А. Невский умел носить японскую одежду, прекрасно овладел тонкостями японского этикета. Разумеется, ему в этом помогло и блестящее знание японского языка.

Забегая немного вперед, отметим, что позднее, вернувшись на родину, Н. А. Невский совместно с Е. М. Колпакчи издал два учебника японского языка. «В лице Н. А. Невского мы имеем... первого в СССР знатока японского языка и его диалектов»,— писал акад. В. М. Алексеев в 1934 г. [20] В те годы в Институте востоковедения АН СССР в Ленинграде велась большая работа по составлению словарей, в том числе китайско-русского, японо-русского и др. «Только он (Н. А.

Невский.— *А. Р.*) мог взять на себя... ответственную редактуру японо-русского печатаемого ныне словаря» [21]. К сожалению, в истории отечественного японоведения остается неоцененным вклад Н. А. Невского в создание этого большого японо-русского словаря, работа над которым в 1930-е годы велась в Институте востоковедения и в которой деятельное участие вплоть до своего ареста 4 октября 1937 г. он принимал [22].

Исключительно важное значение для изучения японской этнографии имеют работы Н. А. Невского о фольклоре о-вов Мияко и Рюкю. Исследователь побывал на о-вах Мияко трижды: в 1922, 1926 и 1928 гг., настолько они показались ему интересными. Отдаленное и фактически изолированное положение островов, нерегулярные связи с соседями сделали население их своеобразным изолятом. В языке, верованиях и обычаях жителей о-вов Мияко сохранилось много архаических черт и традиций. Несколько работ по этнографии и фольклору населения архипелагов Мияко и Рюкю на японском языке Н. А. Невский опубликовал уже в 1926—1927 гг. На родине монография о фольклоре и обычаях жителей о-вов Мияко появилась много позднее, благодаря большой подготовительной работе, проделанной Л. Л. Громковской [23]. Монография богата оригинальным этнографическим материалом. Содержащиеся в ней сведения о семейно-брачных отношениях и сегодня сохраняют свое значение для японской и мировой этнографии. Очень жаль, что эта монография недостаточно используется при исследовании эволюции семьи и брака. В селении Бура на главном острове архипелага Н. А. Невский зафиксировал, в частности, обычай свободного брака. Когда приходит время женитьбы сына, его родители по своему выбору (или по выбору сына) отправляются к родителям понравившейся девушки и сообщают им о цели своего визита. Если последние согласны, молодые получают право на регулярные связи; в случае же «несхожести характеров» муж прекращает ночные посещения, и его бывшая жена считается свободной для нового выбора. После наступления беременности жена переходит в дом мужа. Если же жена спустя какое-то время после совместного проживания в доме мужа уходит от него к своим родителям, то ее муж считается «потерявшим свое лицо», и за него никто не отдаст больше своих дочерей. Тогда у него остается единственный выход — уйти из своего селения куда-нибудь на сторону. Покинувшая же его жена может свободно вновь выйти замуж. Н. А. Невский подробнейшим образом фиксировал локальные варианты семейно-брачных связей на о-вах Мияко. Вообще надо подчеркнуть, что при изучении любой проблемы ученый особенно четко и последовательно изучал локальную специфику явления — языка ли, верований ли, конкретных обычаев и т. п. Выше уже отмечалось, что Н. А. Невский с помощью А. И. Иванова, поделившегося со своим учеником материалами, много и плодотворно занимался тангутоведением. Об этом написано немало [24]. Если А. И. Иванова мы по праву считаем пионером отечественного тангутоведения, то ученым, внесшим наиболее фундаментальный вклад в разработку его проблем, несомненно является Н. А. Невский. Уже в 1926—1927 гг. он опубликовал в Японии на английском и японском языках свои первые исследования по тангутоведению. На родине собрание его трудов по этой тематике было опубликовано посмертно, в 1960 г. [25]. Очень много сделал для издания и популяризации научного наследия Н. А. Невского-тангутоведа Н. И. Конрад [26], в результате чего ученому была присуждена самая престижная тогда премия — Ленинская.

Как китаевед — ученик А. И. Иванова и В. М. Алексеева — Н. А. Невский живо интересовался изучением этнографии народов Китая. В частности летом 1927 г. он совершил поездку на о-в Тайвань и собрал фольклорно-этнографический материал у племени цоу. Выбор объекта исследования диктовался важной научной целью — зафиксировать и сделать достоянием науки материал по языку, фольклору и этнографии одного из таинственных племен аборигенов о-ва Тайвань. Но, очевидно, будет правильным рассматривать эту поездку как продолжение его изысканий по этнографии и фольклору айнов о-ва Хоккайдо, по языку и фольклору жителей о-вов Мияко, по айнской диалектологии и этно-

графии... Возможно, на о-ве Тайвань он предполагал найти ответы на многие волновавшие его вопросы этнокультурной истории жителей Японского архипелага — японцев, айнов, рюкюсцев, вскрыть глубинные связи их языков и культур...

II

Самоназвание племени цоу родственно, по мнению Н. А. Невского, слову «тау», которое у индонезийских народов означает «человек». Этноним тау зафиксирован и у тайваньских аборигенов канобу и ами, а у пайван бытует сдвоенная его форма — «таутау» [27]. Погода в горных районах в то лето, когда там работал Н. А. Невский, была очень дождливая, и он долго оставался на одном месте, записывая фольклорные и языковые материалы. Его информатор Вонгы — уроженец селения Тфуя, цоу по национальности — хорошо говорил по-японски, что обеспечивало прямой контакт между ученым и информатором. Вонгы знал бесчисленное количество преданий своего народа, а в каждом из них содержался ценнейший этнографический материал. В них рассказывалось об обычае охоты за головами, о представлениях о душе, о пантеоне богов, о похоронных обрядах, о способах охоты и рыбной ловли, изготовлении вина посредством жевания злаков, о брачных обрядах, системе родства, о социальной структуре племени цоу... Одновременно он составлял словарь языка цоу [28]. Эта публикация Н. А. Невского была высоко оценена специалистами. Известный русский японовед С. Г. Елисеев, живший в США, в 1936 г. писал, что работа о говорах языка цоу «может служить образцом, как писать книги о говорах аборигенов. Переводы текстов могут служить прекрасным материалом для социологов и этнологов, которым не всегда доступны малоизвестные языки» [29].

На Тайване Н. А. Невский собрал ценную этнографическую коллекцию по культуре цоу, которая ныне является украшением китайского этнографического собрания Музея антропологии и этнографии [30].

Н. А. Невский, оставаясь в Японии в течение 1915—1929 гг., поддерживал связь с родиной. Он переписывался с В. М. Алексеевым, А. И. Ивановым, Н. И. Конрадом, С. Ф. Ольденбургом, С. М. Широкогоровым, Л. Я. Штернбергом и другими учеными старшего и своего поколений, встречался с коллегами, приезжавшими в Японию,— А. Е. Глускиной, Е. М. Колпакчи, Ю. К. Шуцким и др. В 1925 г., как уже говорилось, побывал в Пекине, где общался с А. И. Ивановым. В ноябре 1926 г. в Японии проходил III Всетихоокеанский научный конгресс, в работе которого принимал участие и Л. Я. Штернберг. Делясь впечатлениями о конгрессе, Л. Я. Штернберг позднее писал: «И я лично с чрезвычайной признательностью вспоминаю свои беседы с... профессором Янагида и русским японистом, давно живущим в стране, профессором Невским, специально занимающимися шаманством, первый в Северной Японии, второй — кроме того еще на о-вах Лиу-Киу (Рюкю.— *А. Р.*). Для меня сообщенное ими было настоящим откровением. В литературе, в том числе и японской, их материалы еще не опубликованы» [31]. Эта встреча открывала большие возможности для научного сотрудничества Л. Я. Штернберга и Н. А. Невского. В Архиве РАН в Петербурге сохранилось письмо Н. А. Невского Л. Я. Штернбергу от 4 июля 1927 г. По своему характеру это скорее статья, материал которой не устарел и сейчас, и потому мы подготовили это письмо к печати (см. Приложение к этой статье). Можно предполагать, что это письмо осталось без ответа: Л. Я. Штернберг скоропостижно скончался 14 августа 1927 г.

В 1922 г. была предпринята попытка пригласить Н. А. Невского в Петроград для работы на кафедре японской филологии. В мае с заявлением по этому поводу обратился в университет В. М. Алексеев, рекомендуя избрать на вакантную должность преподавателя Н. А. Невского. «Зная его как даровитейшего из своих учеников по университету и слыша о нем отзывы компетентнейших лиц (С. Г. Елисеева, О. О. Розенберг и др.), уверен, что приглашение его занять место

преподавателя японской филологии в университете будет адресовано безошибочно» [32]. 20 июня 1922 г. от имени Петроградского университета Н. А. Невскому как преподавателю Петроградского университета было направлено в Японию следующее уведомление: «Правление Петроградского Государственного университета извещает, что Вы избраны Факультетом общественных наук... и утверждены в должности преподавателя этнолого-лингвистического отделения Факультета общественных наук сего университета на кафедре японской филологии» [33].

Однако по целому ряду причин приезд Н. А. Невского тогда не состоялся. Он вернулся на родину только в 1929 г. во многом благодаря приглашениям, уговорам и хлопотам Н. И. Конрада и В. М. Алексеева [34]. В том же году он приступил к преподавательской деятельности в ЛГУ и Ленинградском восточном институте, в 1930 г. был зачислен на работу в Институт востоковедения АН СССР научным сотрудником, а в 1934 г.— еще и в Эрмитаж. В 1934 г. по инициативе группы академиков Н. А. Невский был выдвинут для избрания в АН СССР. В проекте «Записки» в АН по этому поводу В. М. Алексеев, в частности, писал: «Этнографические исследования, основание которым было положено его (Н. А. Невского.— *А. Р.*) общением с известным нашим оригинальным и широким этнографом Л. Я. Штернбергом (ему Николай Александрович посвятил прочувствованный некролог на японском языке), полны открытий, например, этюд о „мертвой и живой воде“ на японо-рюкюской почве; этюд о заклании (на полях) животных, обновивший вопрос данными личного наблюдения этого обряда на полях Формозы; этюд о магических фигурах из соломы, также датированный личным наблюдением; этюд, опровергающий принятое толкование танца „сисямай“ как танца „льва“ и возводящий этот танец в древнюю концепцию оленя, и т. д. Но главным его достижением в этой области является собрание материалов по фольклору и языку айнов — достижение, признанное японскими учеными, приглашавшими Н. А. Невского читать лекции по этому предмету в Киотоском университете. Огромный, отлично отработанный материал этот вместе со столь многими другими ждет только печатания.

Как видно из предыдущего, этнографические работы Н. А. Невского выведены им из нового материала, собранного предприимчивым ученым-лингвистом. И действительно, Николай Александрович является таковым и в области японской фонетики, и в области не исследованных до него диалектов (острова Мияко, Рюкю, Формоза)...» [35]

Мы выбрали специально ту часть проекта «Записки», в которой говорится о заслугах Н. А. Невского именно в области этнографии [36]. Время — лучший судья для определения научной значимости ученого. И оно сегодня подтверждает оценку трудов Н. А. Невского на ниве этнографии, данную В. М. Алексеевым, объективно свидетельствуя об исключительной ценности этнографических работ Н. А. Невского, о его деятельном участии в развитии японской и советской этнографии.

Еще будучи стажером, Н. А. Невский в 1918 г. опубликовал в Японии на японском языке в этнографическом журнале «Додзоку то дэнсэцу» свои первые статьи: «Пользование кровью животных в сельскохозяйственном ритуале», «Магическая фигура из Тонэ» и «Песни при исполнении танца „сисимаи“ из провинции Сагами». Всего до 1929 г. Нэфусуки Никора (Невский Николай) опубликовал там около десятка статей. Посмертно, в 1971 г. в Токио вышла его книга «Цоки-то фуси» («Луна и бессмертие»), в которой японский ученый Ока Масао собрал все ранее публиковавшиеся в японских этнографических журналах статьи Н. А. Невского и неопубликованные рукописи, хранившиеся в архиве Библиотеки Тэнри. Значит, и спустя 40—50 лет после их написания они сохраняли актуальность для японской науки. О значении этнографических работ Н. А. Невского писали такие крупные ученые, как Янагита Кунио, Такахаси Моритака, тангутовед Окадзаки Сэйро и др. Исида Эйитиро свою монографию «Мать Момотаро. Опыт исторического исследования одной культуры», изданную в Токио в 1971 г., посвятил русскому ученому. На титуле монографии читаем: «Моему